

МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Л.Б. КОСОВА

Нереализованные возможности: механизмы мобильности в советском и постсоветском обществе

Интенсивность и способы функционирования каналов вертикальной мобильности – важный показатель здоровья “социального организма”. Не случайно П. Сорокин сравнивал каналы социальной мобильности с системой кровообращения, закупорка сосудов которой чревата самыми серьезными последствиями. Механизмы социальной мобильности не только обеспечивают запас прочности, особенно важный в кризисных ситуациях, но и определяют возможности и направления институциональной и структурной модернизации общества. Они аккумулируют импульсы будущего развития, мотивационный потенциал перемен, задавая вектор социального движения.

В потоке восходящей мобильности можно выделить два “рукава”. Один составляют те, чья мобильность базируется на индивидуальном усилии, собственном ресурсе, нацеленности на личное достижение; другой – те, чьи социальные позиции зависят от внешней поддержки, в первую очередь от социальных программ. Если преобладает первый тип мобильности, говорят о динамическом развитии, в этом случае действуют саморегулирующиеся механизмы мобильности. Если преобладает второй тип, то существует опасность стагнации, саморегуляция по необходимости заменяется бюрократическим контролем за перераспределением ресурсов и, как следствие, социальным продвижением.

В советском обществе каналы вертикальной мобильности всегда находились под жестким бюрократическим контролем. Допуская некоторую свободу движения на начальных стадиях карьеры, система контроля становилась тем строже, чем ближе “карьерист” подвигался к высокостатусным позициям. При этом отсутствовали внутренние механизмы селекции и гратификации: продвижение основывалось не на экономической эффективности или социальном запросе, а определялось решением “вышестоящих и контролирующих инстанций”. Для обеспечения мобильности требовалось внешнее напряжение – ситуации кризиса, слома, перетасовывавшие высокостатусные группы и освобождавшие места для новых выдвиженцев.

В этом смысле репрессии были необходимым, ключевым, элементом функционирования всей системы мобильности: без них она оказалась неработоспособной. Смягчение режима – отказ от регулярного физического уничтожения элит – привело

Косова Лариса Борисовна – кандидат технических наук, директор программы “Единый архив социологических данных” (Независимый институт социальной политики).

Таблица 1

Длина карьеры до занятия первой номенклатурной должности

Период	Среднее число лет до занятия первой номенклатурной должности
до 1953 г.	8 лет
1954–1961 гг.	9 лет
1962–1968 гг.	11 лет
1969–1973 гг.	14 лет
1974–1984 гг.	18 лет
1985–1988 гг.	23 года
1989–1991 гг.	22 года

Таблица 2

Вероятность попадания в номенклатуру в зависимости от рода деятельности
(процент рассчитан по столбцу, приведены только анализируемые позиции)

	Процент респондентов, занимавших данную позицию в начале карьеры	Процент респондентов, занимавших данную позицию перед получением первой номенклатурной должности
руководитель среднего звена	8	46
паргработники и работники массовых организаций на не-номенклатурных должностях	1	13
специалист без подчиненных	41	25
рабочий	31	3

к серьезным проблемам в механизмах социального продвижения. Безлиное словечко “застой” очень точно обозначает не только (а может быть – не столько) замедление темпов экономического роста, сколько склеротизацию каналов вертикальной мобильности (см. табл. 1)¹. Во времена сталинского режима длина карьеры до занятия первой номенклатурной должности составляла в среднем 8 лет, с окончанием репрессий скорость продвижения наверх резко упала. На первых этапах некоторый импульс движения задавался заменой “сталинских соколов” на новых функционеров, однако к середине 1970-х гг. обнаруживаются серьезные сбои в работе механизмов восходящей мобильности: длина номенклатурной карьеры выросла почти в 3 раза. Потенциальный карьерист мог надеяться занять вожделенный пост лишь накануне наступления пенсионного возраста.

К середине 1970-х гг., помимо замедления собственно темпов восходящей мобильности, сократилась вариативность карьер: появился некий пропускной пункт, через который надо было обязательно пройти, чтобы быть допущенным к высокостатусным позициям. Роль этой “точки входа” в большую карьеру играла должность руководителя среднего звена – только в этой позиции потенциальный карьерист становился виден системе и мог быть отобран для дальнейшего продвижения. В таблице 2 приведены

¹ По данным исследования “Социальные перемены в России. Элита”, проведенного осенью 1993 г. нынешним коллективом Левада-Центра, до 2003 г. работавшим во ВЦИОМ. Состоялось 1812 интервью с деятелями госуправления, науки и культуры СССР, занимавшими номенклатурные должности в 1988 г., а также с представителями российской элиты, занимавшими должности, сопоставимые с номенклатурными, в 1993 г.

Таблица 3

Вероятность попадания в номенклатуру в зависимости от рода деятельности в различные периоды
 (процент рассчитан по столбцу, приведены только две сравниваемые позиции)

Должность, занимаемая непосредственно перед вступлением в номенклатурную	Год занятия первой номенклатурной должности				
	1954–1961	1962–1968	1969–1973	1974–1984	1985–1988
специалист без подчиненных	26	30	31	24	17
руководитель среднего звена	23	38	35	50	57

данные о стартовых и предноменклатурных позициях респондентов, занимавших номенклатурные посты в советское время.

Хотя примерно треть советских номенклатурщиков начинали свою трудовую биографию как рабочие, шансов попасть в элиту непосредственно “из рабочих” практически не было. 3% “элитных рабочих” – это те парадные стахановцы и ткачики, которые, заняв выборные должности в Советах высокого уровня, украшали президиумы больших съездов.

Возможность отбора специалистов в высокостатусные группы существовала, причем динамика их мобильности достаточно точно отражает все перипетии “романа” власти и интеллигенции (см. табл. 3). Доля тех, кто пришел на номенклатурные позиции непосредственно “из специалистов”, росла вплоть до начала 1970-х гг., оставшихся переломными: приток специалистов на номенклатурные должности упал и больше не повышался вплоть до конца советского режима. В то же время росли шансы на занятие номенклатурной должности для руководителей среднего звена. Если в 1954–1961 гг. доля пришедших в высокостатусные группы из “партизактива” составляла 23% – меньше, чем доля специалистов, то к 1974 г. эта цифра выросла до 50%. В 1985–1988 гг. 57% тех, кто вошли в номенклатуру, вошли в нее через должность руководителя среднего звена. Система больше не нуждалась в “человеке со стороны”. Вертикальная мобильность в советском обществе окончательно обрела характер медленного продвижения по строго выверенным ступенькам карьерной лестницы. Фактически существовал единственный лифт наверх, попасть в который можно было только через должность руководителя среднего звена. При этом сама скорость подъема замедлялась. Общество становилось все более закрытым, социальные перегородки, точнее – перегородка, отделявшая общество от номенклатуры, все более непроницаемой.

Есть еще одна важная особенность процессов социальной мобильности, на которую мне хотелось бы обратить внимание. Высокая скорость – можно сказать стремительность – карьерного подъема в сталинский период развития советского общества часто интерпретируется как показатель массовой восходящей мобильности². Однако стремительность карьерного продвижения отнюдь не тождественна высокой мобильности. При анализе интенсивности социальной мобильности необходимо учитывать ряд параметров: сколько каналов подъема существует и какова их природа, какие фильтры стоят на входах в социальные лифты и кого они отсекают, легко ли возникают новые “пути наверх”, какими способами они конституируются, как устроена система гратификации.

Представим, что существует одна-единственная тропинка, ведущая на вершину горы. С какой бы скоростью по ней ни бежали, многих привести на вершину она не сможет. К тому же размеры самой вершины ограничены, довольно скоро возникнет затор (если только не начать тем или иным способом избавляться от уже добежав-

² Такая точка зрения разделяется многими социальными историками. Например, она была высказана И. Орловым и А. Лившиным в очень интересной передаче “Советская повседневность и массовое сознание в 20–30 годы”, прозвучавшей на радио “Эхо Москвы” (<http://www.echo.msk.ru/programs/staliname/566469-echo>).

ших). Совсем другая ситуация, если тропинок много, ведут они на разные вершины, у социальных акторов есть возможность прокладывать новые дорожки и открывать новые горные хребты. Даже если скорость подъема будет ниже, возникает система, обеспечивающая многим “карьеристам” высокие шансы добраться до одной из существующих вершин или создать свою, новую, которая в дальнейшем, возможно, будет расцениваться как желаемый, социально значимый статус.

Становление тоталитарной системы в России привело к тому, что любая карьера – инженера, ученого, писателя, не говоря уже о “начальниках”, – начиная с определенного статуса, не могла реализоваться вне поля государственного влияния и контроля. В стране, 85% населения которой на момент начала советской истории составляло крестьянство, оказались перекрыты все каналы восходящей мобильности, связанные с самозанятостью, развитием и умножением собственности. Оставался фактически один-единственный путь наверх – государственно-бюрократическая карьера. В какой мере она была доступна для “неразвитой крестьянской массы, обремененной мелко-буржуазными предрассудками”? Обратимся к данным исследования, проведенного в 1993 г.³. Респондентов подробно расспрашивали о деталях трудовой биографии – должностях, которые они занимали, времени, когда это произошло, населенных пунктах, где они тогда жили. Для кодирования профессий использовался кодификатор ISCO-88, адаптированный для условий российского рынка труда. Кодирование производилось непосредственно в региональных отделениях, проводивших опрос.

Полученные данные позволяют сравнить карьерные достижения респондентов, трудовые биографии которых реализовывались в различные периоды советской истории. На рисунке 1 визуализированы формальные показатели успеха в разных поколениях – доли респондентов, ставших руководителями к моменту достижения выделенных контрольных возрастов. Группировка осуществлялась по времени начала трудовой биографии. В качестве “руководителей” рассматривались те респонденты, которые занимали должность, входящую в первый фасет кодификатора – “Законодатели, крупные чиновники, управляющие, директора, руководители подразделений на крупных предприятиях”.

Траектории карьер различных когорт имеют в основном схожую форму: самые высокие темпы карьерного роста приходятся на возраст 26–35 лет, далее вероятность возможного продвижения по карьерной лестнице снижается. Однако есть заметные различия в уровне достигнутого. Наиболее успешной выглядит карьера поколения, вступившего в трудовую жизнь в период с 1954 по 1961 г. Именно в этой когорте доля тех, кто сумел войти в страту руководителей, максимальна. К 35 годам представители “поколения ХХ съезда” существенно опережали своих ровесников в других анализируемых группах по числу “руководителей” и далее только увеличивали преимущество. Поколения, начавшие трудовую биографию в 1962–1984 гг., имеют (с учетом неполного достижения контрольных возрастов) практически совпадающие “траектории успеха”, хотя в каждой следующей анализируемой группе заметно некоторое отставание.

Несколько различаются стартовые позиции когорт. Шанс занять руководящую должность в возрасте до 25 лет был максимально высоким у респондентов, начавших трудовую биографию во времена гайдаровских реформ. Это самый успешный старт среди всех анализируемых групп (к сожалению, данные не позволяют проследить дальнейшую судьбу этого поколения, поскольку исследование было проведено в 1993 г.). Провалившимися кажутся карьеры тех молодых, кто начал трудовую деятельность в период перестройки, в 1989–1991 гг. Это было время “вторых эшелонов” – тех, кто уже достигли достаточно высоких позиций и ожидали, когда же наконец освободится “начальственное место”. Однако необходимо отметить, что нельзя использовать полученные по этой когорте данные для окончательных выводов – сроки проведения опроса и начало трудовой биографии данной когорты слишком близко отстоят во

³ “Социальные перемены в России. Население”. Исследование проведено в июне 1993 г. по препрезентативной российской выборке. Опрошено 5002 человека в возрасте от 16 до 89 лет.

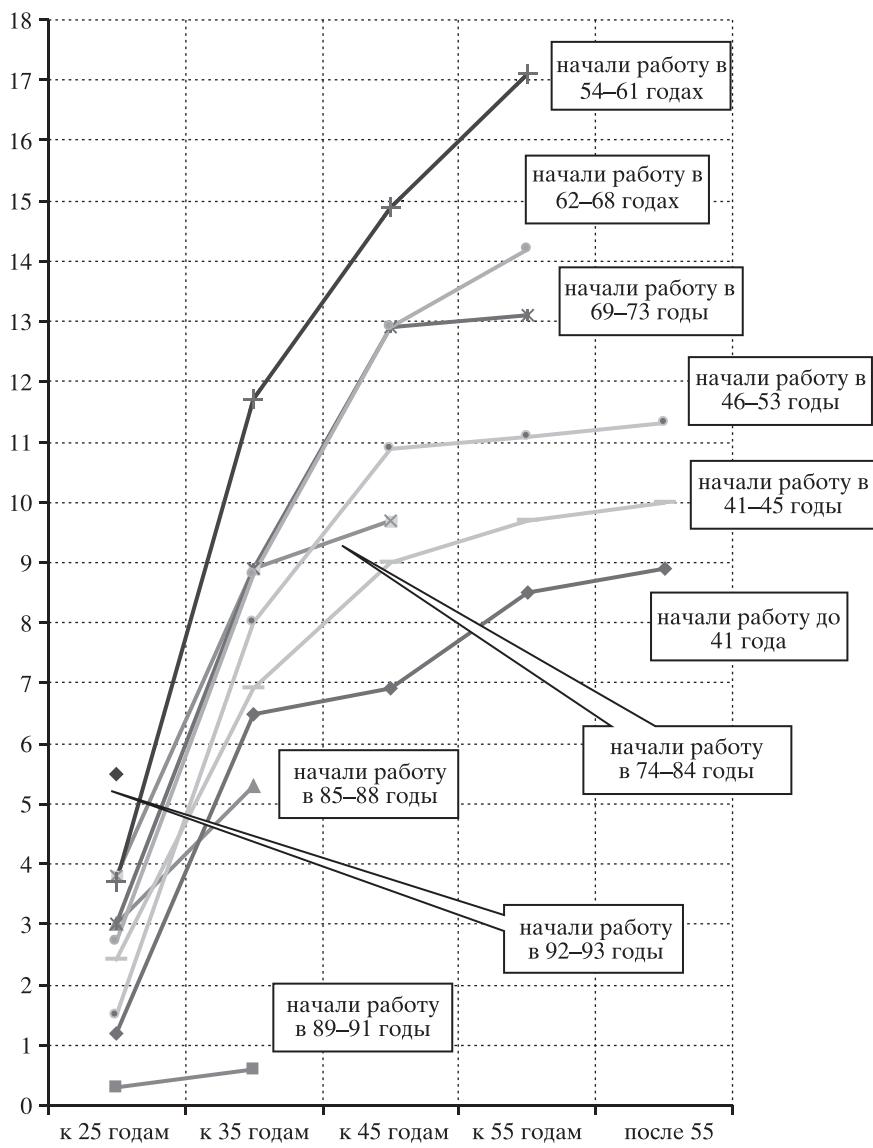

Рис. 1. Доля занявших должность руководителя к определенному возрасту в зависимости от времени начала трудовой биографии.

времени. Реальная доля руководителей в рассматриваемой группе в конечном итоге может оказаться выше.

В поколениях, начавших свою трудовую карьеру в сталинский период советской истории, формальные показатели успеха самые низкие. Так, в группе, начавшей работать до войны, доля респондентов, когда-либо в своей жизни занимавших руководящие позиции, составляет к 55 годам чуть менее 9%. В поколениях, приступивших к работе в годы войны или в последние годы сталинского режима, этот показатель несколько выше, однако уступает аналогичному индикатору в других возрастных когортах. Иными словами, у нас нет оснований говорить о сталинском времени как о периоде массовой социальной мобильности, особой легкости достижения высоких статусов рядовыми социальными акторами. Напротив, именно в это время вероятность карь-

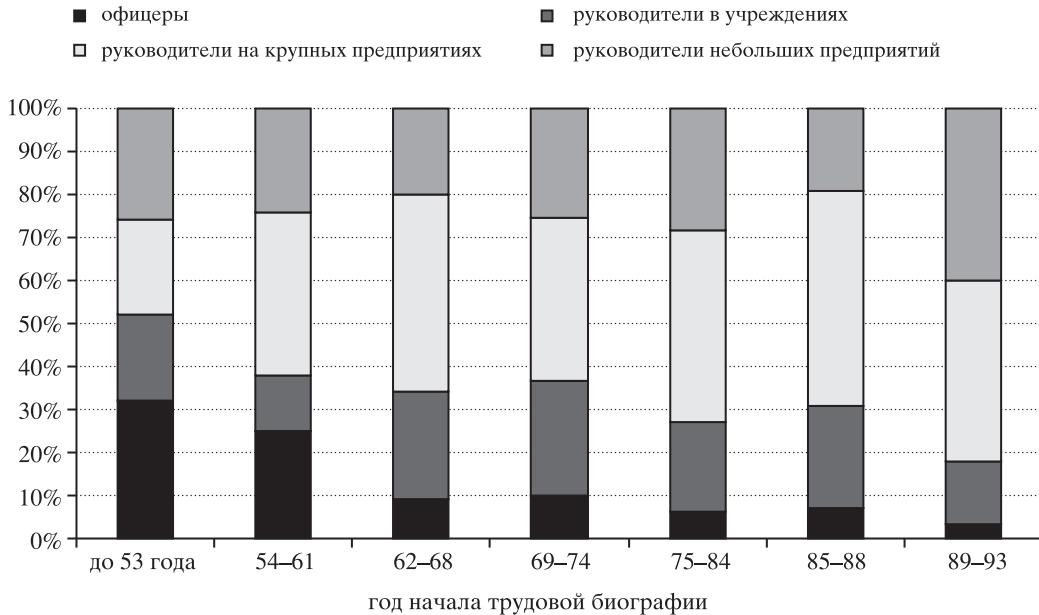

Рис. 2. Соотношение руководящих позиций в различных когортах в зависимости от времени начала трудовой биографии.

ерного успеха для большинства населения была ниже, чем в другие периоды советской истории. Скорость движения по номенклатурным каналам, действительно, была максимально высокой, но, подчеркну еще раз, это не синоним высокой социальной мобильности.

Основным каналом восходящей мобильности для советских поколений сталинского времени была армия (см. рис. 2). Доля старших офицеров в этих когортах составляет примерно треть от всех “начальственных постов”. Армия выступала не только как собственно профессия и карьера, но являлась трамплином для продвижения в гражданской жизни после демобилизации. Речь идет не только о вступлении в КПСС, но и о получении профессий и навыков, позволяющих перебраться из деревни в город. Кроме того, служба в армии позволяла “детям врагов народа”, получив статус красноармейца, добиться другого типа отношений с властью, открывала перед ними возможность даже не столько карьеры – жизни. Хрущевские военные реформы фактически купировали значение армии как канала вертикальной мобильности.

При анализе мобильности советских поколений сталинского времени трудно избавиться от ощущения, что к классическим осмям анализа – собственность, власть, престиж – следует добавить еще одну: сохранение жизни. Можно назвать мобильность этих поколений “мобильностью выживания”, когда целью и смыслом достижения становится не более высокое положение в общественной иерархии, а сохранение жизни; статусом, к которому стремятся, – статус живого, живущего. Дело не только (или не столько) в многочисленных войнах, выпавших на долю этих поколений. Система регулярно продуцировала условия, которые до основания разрушали все накопленные социальными акторами ресурсы и проблематизировали саму возможность выживания. Сталинский режим сумел и в недолгие “мирные” годы породить такие обстоятельства жизни, что простое физическое выживание следует рассматривать как удачу – в некотором смысле, успешную мобильность.

Воспользуемся методами “мягкой” социологии, которые позволят интерпретировать данные анализируемого опроса как биографические интервью, и восстановим,

насколько это возможно, индивидуальные карьеры и достигнутые статусы отдельных респондентов, вступивших в трудовую жизнь в довоенное время. В выборке насчитывается 244 респондента, начавших работу до 1941 г., из них 21 человек занимали руководящие позиции.

Вот, например, биография одной респондентки. Она родилась в 1921 г. в селе, недалеко от Ленинграда. У родителей были земля (надел среднего размера) и дом. Семья прошла через конфискацию имущества. Респондент закончила школу-семилетку и ПТУ, где приобрела профессию “изготовитель обуви и других изделий из кожи”. В 1938 г. она приступила к работе в Ленинграде, где снимала даже не комнату – угол, с 1942 г. – на военной службе в блокадном Ленинграде. В 1945 г., демобилизовавшись, начала работать продавцом. В 1953 г. заняла должность “руководитель в торговле” – наиболее вероятно, стала директором магазина. В 1975 г. получила квартиру. В 1979 г. вышла на пенсию. В том же году попыталась работать “подручным, уборщиком в учреждениях”, но проработала меньше года. В партии не состояла.

В очень простой на первый взгляд биографии этого респондента “успехов выживания” было несколько: переезд из голодной деревни в крупный город, переход из социальной категории “раскулаченные” в категорию “рабочие”, армейский паек в блокадном Ленинграде. И, может быть, главный успех: сельской девчонке, сапожнику по профессии, удалось устроиться продавцом в послевоенном голодном Питере.

Преодоление угрожающих жизни системных обстоятельств, не связанных с характером или здоровьем опрашиваемых, присутствует в биографиях многих респондентов. Вот только несколько примеров. Другой респондент (Р2) родился в 1922 г. в Твери, его отец был бухгалтером. У семьи был участок земли и дом. Однако в 1938 г. он приступает к работе в сельском хозяйстве в Кемеровской области. Информация о причинах переезда в анкете отсутствует, но, скорее всего, он не был добровольным: при первой же возможности респондент уезжает в город Пестово Новгородской области, где работает изготовителем инструментов, живет в общежитии.

Отец еще одного респондента (Р3), родившегося в 1920 г., был репрессирован, находился в лагере. Семья прошла через конфискацию имущества – земельного участка. Сам респондент оставил школу и в возрасте 12 лет начал работать в сельском хозяйстве, в школе доучивался заочно.

Еще один респондент (Р4) родился в сельском районе в Житомирской области на Украине в 1917 г. В 1931 г. переезжает в Житомир, живет в общежитии, учится в школе – подростку удалось перебраться из вымирающей от голода украинской деревни в город в то время, когда режим делал все, чтобы не допустить в города голодающих крестьян.

Вернемся к нашей первой респондентке. Есть еще одно обстоятельство, которое весьма наглядно проступает в этой биографии и которое мне кажется важным для понимания работы механизмов мобильности советского образца. Ей удалось достичь статуса руководителя, более того, она занимала свой пост на протяжении 26 лет – до момента выхода на пенсию. После выхода на пенсию некоторое время она проработала уборщицей, то есть резко потеряла статус после прекращения основной трудовой деятельности. Аналогичная ситуация присутствует и в биографиях других респондентов. Так, наш второй респондент (Р2), имея офицерское звание, занимая служебную квартиру, в возрасте 41 года был демобилизован из армии. Начал работать транспортным служащим, первое время снимал угол. А третий респондент (Р3) после демобилизации, скорее всего, в звании полковника, приступил к работе в должности нормировщика/табельщика.

Иными словами, резкая потеря статуса при выходе на пенсию – обстоятельство системное. Не случайно эта тема так часто драматизировалась в советском искусстве. С моей точки зрения, проблема заключается в том, что в советском обществе не существовало статусного *набора*, который, при потере одного из статусов, сохранял бы положение социального актора в общественной иерархии или хотя бы демпфировал снижение позиций. Напротив, механизмы мобильности были “заточены” так,

чтобы лишить социальных акторов не зависимых от государства подпорок. Даже у тех, кто занимали “начальственные” позиции, не было возможности конвертировать свой должностной статус: деньги как универсальный посредник отсутствовали, социальные сети, за исключением самых узких – родственных и дружественных – были целенаправленно разрушены. В такой ситуации любое достижение – временное, оно не становится “собственностью” социального актора, его ресурсом. Статус как бы выдается государством – единственным работодателем – во временное пользование и отбирается в любой момент. В распоряжении “успешных” акторов остается только полученная “за время должности” квартира, которая понемногу теряет свою ценность, старея вместе с домом и превращаясь в коммуналку с появлением семейных детей и внуков, да личное имущество, если его удается приобрести за время работы.

Советское общество было обществом ненакопления: созданная система препятствовала аккумуляции социальных ресурсов как внутри жизни одного поколения, так и на межпоколенном уровне. Тем самым купировались внутренние импульсы развития, возможности, идущие “снизу”, от потребностей и интересов социальных акторов – именно те потенциалы, которые являются базой успешного развития социума. Накапливающийся социальный ресурс – “древа, которые необходимо бросать в топку прогресса”. Советское общество было похоже на тяжелое транспортное средство, из которого вынули двигатель, поэтому приходится изо всех сил толкать его снаружи, удивляясь, что оно медленно едет и все дальше отстает от других внешне похожих устройств. Механизмы саморегуляции и развития оказались вытеснены механизмами бюрократического перераспределения и контроля.

Изменения, начавшиеся после 1985 г., породили всплеск надежд, связанных с возможностью индивидуального достижения. В массовом сознании начинавшиеся реформы были тесно связаны с возможностью изменить свою жизненную ситуацию личным усилием. Отложенная мобильность являлась серьезным депрессивным фактором, особо значимым для групп, обладающих достаточными социальными ресурсами и проблематизирующих достижение. Отсюда – тот энтузиазм, которым были встречены перемены времен перестройки. Конец восьмидесятых – время многих иллюзий, в том числе и массовой веры в открывшиеся возможности быстрого подъема по социальной лестнице. У подобного оптимизма были основания. Поздняя перестройка – тот короткий период времени, когда свобода начать новую деятельность (будь то кооператив или народный фронт) была максимальна, причем, начатое приносило отдачу быстро. “Демократическая эйфория”, высокая поддержка реформаторских начинаний того времени коренилась в оптимистических ожиданиях позитивной динамики собственного статуса.

Девяностые годы стали временем вынужденной переоценки ресурсов. Поманившие было возможности восходящей мобильности оказались доступны далеко не всем. Реформы, в той конфигурации, в которой они имели место, создали потенциал реализации достижительских установок для ограниченного круга социальных акторов в немногих точках социального пространства. Этими “зонами успеха” стали крупные города и те сферы деятельности, адресатом (а значит и инвестором) которых выступали негосударственные структуры. Именно там разблокированность индивидуальной инициативы была максимальна, именно там возможность достижения оказалась наиболее вероятной. Для значительной же части россиян либеральные реформы стали синонимом хаоса, потери достигнутого. На протяжении 1994–1997 гг. утрату былых позиций переживали от 30 до 45% опрошенных (см. рис. 3)⁴. Потеря пусты и воображаемых статусных позиций – процесс крайне болезненный. Ведь со статусом связаны не только общественное признание и уважение, но и возможность адекватной реализации жизненного проекта, совокупность доступных социальных практик. При этом

⁴ На основе данных исследования “Мониторинг социальных и экономических перемен”, начатого в 1993 г. исследовательским коллективом под руководством Т. Заславской и Ю. Левады. Замеры проводятся каждые два месяца по репрезентативной российской выборке, в каждой волне исследования опрашивается 2100 человек.

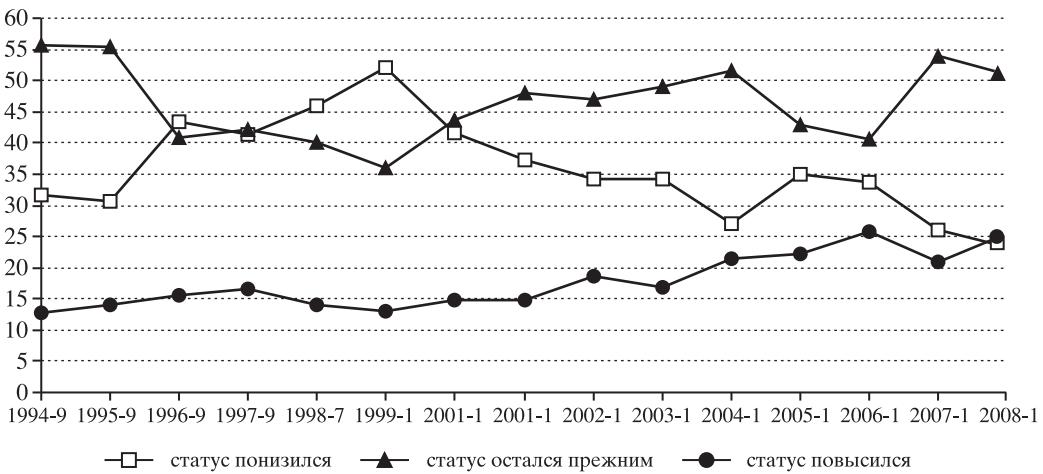

Рис. 3. Субъективные оценки динамики статусных позиций.

субъективное, проживаемое ощущение мобильности важнее, чем реально имевшее место перемещение.

Вместе с тем параллельно болезненному переживанию потери статуса значительной частью взрослого населения России шла нормализация функционирования каналов восходящей мобильности, складывалась новая система, гратифицирующая социальных акторов, обладающих необходимыми модернизационными ресурсами. Небольшая, но стабильно увеличивавшаяся (вплоть до кризиса 1998 г.) группа неуклонно отмечала улучшение своих позиций на шкале социальных статусов. Вопреки широко распространенным стереотипам, в ходе либеральных реформ вверх поднимались вовсе не пресловутые “воры и бандиты”, а те, кого можно назвать “социальной элитой”: образованные, молодые, профессионалы, жители крупных городов.

Средний уровень образования в группе “успеха” – 13 лет. Именно успешные адаптанты читали в полтора раза больше остальных, а словарями и энциклопедиями пользовались в 2,5 раза чаще. Их родители – уроженцы больших городов с уровнем образования существенно выше среднего. При этом важно, что слой поднимавшихся в ходе либеральных реформ не занимал высоких позиций в советское время: до гайдровских преобразований “номер” их социальной ступени – третий снизу на десятипозиционной лестнице.

Иными словами, либеральные реформы инициировали механизмы, менявшие структуру российского общества в очень важном направлении: появлялся “населенческий” лифт, поднимавший наверх тех, чья восходящая мобильность базировалась на личном достижении, стремлении изменить свою жизненную ситуацию индивидуальным усилием, нацеленности на самостоятельное, не зависимое от государственной поддержки и опеки существование. Возникал новый локомотив общества, который нес в себе важнейший потенциал социокультурной модернизации. Появлялась база того, что в дальнейшем могло бы обеспечить институциональные модернизационные процессы в России. Было лишь одно, но очень существенное “но”: “горлышко бутылки” оказалось слишком узким – объем группы успешных адаптантов хотя и рос вплоть до кризиса 1998 г., но так и не достиг даже двадцатипроцентной планки.

Кризис 1998 г., безусловно, сказался на динамике вертикальной мобильности – потребовалось почти два года, чтобы восстановились докризисные параметры и объемы. Но не кризис, а последовавшее изменение курса социальной политики привело к тому, что начавшиеся процессы нормализации процессов мобильности были копированы. На первый взгляд, поводов для беспокойства не было заметно – во всяком случае, до недавнего времени: все социологические опросы фиксировали явное нарастание оп-

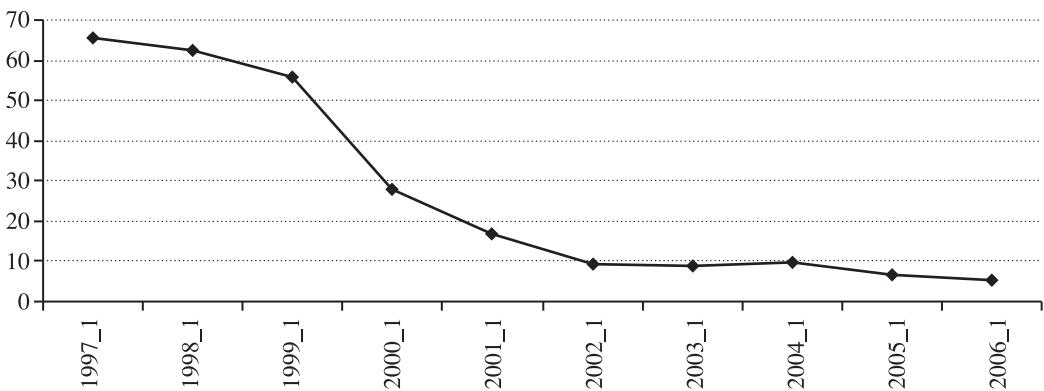

Рис. 4. Задержки в выплате заработной платы, пенсий, пособий и т.д. как наиболее тревожащие респондентов.

тимизма, улучшались оценки всех аспектов жизни, в том числе и динамики статусов. Так, в январе 2006 г. 26% опрошенных полагали, что они улучшили свои статусные позиции – самый высокий показатель на протяжении всего периода наблюдений, 2008 г. дал самую низкую долю тех, кто оценивали свой статус как понизившийся (см. рис. 3). Но какие социальные феномены стоят за цифрами опросов?

В таблице 4 приведены данные о структуре доходов респондентов⁵. Каждая клетка таблицы содержит долю респондентов, отметивших, что данный вид дохода существует в их семейном бюджете (прочерк означает отсутствие данных). Выделены только те статьи дохода, которые позволяют получать доход из не зависимых от государства источников.

Легко заметить, что альтернативные статьи дохода играют, если не все меньшую, то, по крайней мере, не возрастающую роль в семейных бюджетах. Доля респондентов, отмечающих, что в их семейном бюджете есть доходы от предпринимательства, достигнув максимума в середине 1990-х гг., упала. Продажа самостоятельно произведенных товаров, оказавшаяся некоторым подспорьем в семейных бюджетах после августовского кризиса, не играет практически никакой роли в настоящее время. Держателей ценных бумаг, приносящих доход, среди населенных групп практически не осталось. Раньше, живущих на банковский процент, не появилось. Количество респондентов, получающих доход от сдачи в аренду недвижимости, не выросло. Иными словами, ни один из новых видов экономической активности, обеспечивающих автономное от государства существование, не является базой расширяющегося потока восходящей мобильности. Где же истоки растущего оптимизма статусных оценок? Ответ очевиден: материальную базу позитивных сдвигов в оценке социальных позиций следует искать в динамике традиционных источников дохода подавляющего большинства российских семей – зарплат и пенсий.

Давайте вспомним, что одной из острейших социальных проблем 1990-х гг. была их несвоевременная выплата. В марте 1996 г. лишь 20% респондентов не сталкивались с задержками в получении причитающихся им доходов⁶. В январе 1997 г. проблема невыплаты зарплат и пенсий была названа респондентами самой острой: из списка предложенных проблем ее выбрали 66% опрошенных. Даже рост цен, угроза потери работы или экономический кризис казались респондентам менее значимыми на тот момент. При этом уровень задолженности со стороны государства был выше, чем со стороны частных работодателей: проблема обозначалась резче и острее именно работниками государственных предприятий и пенсионерами.

⁵ По данным исследования “Мониторинг социальных и экономических перемен”.

⁶ Опрос проводился 22–27 марта 1996 г., опрошено 1600 человек.

Таблица 4

Источники семейного дохода
(приведены данные на январь каждого года)

статья семейного бюджета \ год	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
предпринимательство	5,4	6,9	5,6	5,1	5,9	4,3	5,4	3,5	3,1	3,6	3,5	4,4	3,6	2,6
продажа самостоятельно произведенных товаров	1,8	2,9	3,5	3,8	3,9	5,9	5,0	3,6	2,8	2,6	2,9	3	1,4	2,6
доходы от ценных бумаг	–	2,7	1,5	0,9	0,7	0,6	0,5	0,3	0,4	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1
доходы по вкладам	–	–	1,7	1,6	0,5	0,5	0,9	0,8	0,3	0,5	0,2	0,3	0,5	0,6
сдача внаем недвижимости	–	–	–	–	1,1	1,4	1,0	0,9	0,4	0,5	1,4	1,0	1,1	1,3
продажа недвижимости	–	–	–	–	0,2	0,5	0,5	0,2	0,0	0,2	0,1	0,1	0,0	0,0

Таблица 5

Размер месячных пенсий и зарплат по данным Федеральной службы государственной статистики

Годы	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике (руб.)	Реальная начисленная заработка плата в % к предыдущему году	Средний размер назначенных месячных пенсий (руб.)	Реальный размер назначенных месячных пенсий в % к предыдущему году
1998	1051,5	84,1	399	95,2
1999	1522,6	87,7	449	60,6
2000	2223,4	112	694	128,0
2001	3240,4	108,7	1024	121,4
2002	4360,3	111,1	1379	116,3
2003	5498,5	114,9	1637	104,5
2004	6740,0	122,6	1915	117,0
2005	8530,0	123,6	2364	123,5

Актуальность этой темы начала снижаться к январю 2000 г., с 2002 г. проблема 1990-х гг. ушла из сферы общественного внимания: невыплаты зарплат и пенсий волнуют не более 10% респондентов, и эта цифра продолжает снижаться (см. рис. 4)⁷. В это же время начинается рост заработной платы и пенсий. По данным Федеральной службы государственной статистики с 1998 по 2005 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике выросла примерно в 8 раз, а средний размер назначенных месячных пенсий – примерно в 6 раз, реальные пенсии и зарплаты показывали устойчивые тенденции роста, начиная с 2000 г. (см. табл. 5).

Именно в это время опросы стали фиксировать заметный рост позитивных оценок самых разных сторон социальной жизни, в том числе и динамики личного статуса. Но профиль “успешных адаптантов” по сравнению с девяностыми изменился, оказался

⁷ По данным исследования “Мониторинг социальных и экономических перемен”.

размытым. Улучшение положения отмечали социальные группы с более низким уровнем ресурсов, находящиеся ближе к социальной периферии, которые переход от нищеты к бедности или скромному благополучию, от работы “за бесплатно” к получению пусть низкой, но регулярно выплачиваемой зарплаты (пенсии, пособия) переживали как повышение позиций на социальной лестнице. В потоке восходящей мобильности появилась новая составляющая – те, чей “успех” зависел от бюрократического перераспределения ресурсов.

База подъема этих групп – не умножение собственного ресурса, а выплаты из бюджета, вне зависимости от производительности или качества труда. Позитивная динамика, которая начала было складываться в 1990-е гг., фактически оказалась купирована: доля поднимающихся наверх “потому что мне удается использовать новые возможности”, сократилась по сравнению с девяностыми – нормализации системы мобильности не произошло. Не появилась система социальных лифтов, поднимающих наверх ресурсно-обеспеченные населеческие группы (имеются в виду отнюдь не только материальные ресурсы), которые могли бы стать локомотивом модернизации российского общества, принять и держать удар кризисных явлений. Именно такие группы составляли ядро восходящей мобильности в эпоху либеральных реформ. Нынешние “успешные адаптанты” не способны к позитивной динамике вне рамок бюрократического перераспределения, они не располагают ни достаточным ресурсом, ни достаточным потенциалом и волей к “умножению себя”, чтобы придать импульс социальному развитию, тем более в условиях кризиса.

В любом недуге важно не столько состояние больного в данный момент, сколько вектор развития болезни. Тенденции последних лет, фиксировавшиеся в системе социальной мобильности, оставляли мало шансов российскому обществу на благополучное развитие. И дело совсем не в “огромном” разрыве между богатыми и бедными – разрыв преодолим, если нормально функционируют каналы восходящей мобильности, а в том, есть ли у низкостатусных групп возможность улучшить свою жизненную ситуацию личным усилием, или для них единственный путь “наверх” – ждать помощи государства.

В свое время Дж. Голдторп и Р. Эриксон отмечали, что отсутствие радикализма рабочего класса в США объясняется высоким уровнем социальной мобильности [Erikson, Goldthorpe, 1985]. Отложенная, несостоявшаяся мобильность – паровой котел, способный взорвать социальный порядок. Либеральные реформы девяностых, как любой процесс лечения, были болезненными, но они инициировали нормализацию системы гратификации. Властно-силовые перераспределения мест в социальной иерархии, свидетелями которых в последние годы мы все чаще являемся, подтверждают, что импульсы, лишенные институциональной опоры, затухают слишком быстро. Нуевые годы фактически вернули нас к мобильности советского образца, ставшей детонатором развала советской системы в совсем недалеком прошлом. Непонявшему – урок повторится?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Erikson R., Goldthorpe J. Are American Rates of Mobility Exceptionally High? // European Sociological Review. 1985. Vol. 13. May. № 1.